

Борис Ковач — «Газете»

«Я больше не верю в историю»

С завтрашнего дня московские клубы принимают ансамбль La Campanella сербского композитора, саксофониста и шоумена Бориса Ковача. Начнется тур в клубе «Проект О.Г.И.». Незадолго до приезда в Россию композитор поделился с Григорием Дурново соображениями о своей музыке и ситуации на территории бывшей Югославии.

Что будете играть на концертах?

Смешанную программу из произведений с последнего альбома La Campanella, который называется «World after History», и предыдущих двух альбомов LaDaABa Orchest, «Last Balkan Tango» и «Ballads at the End of Time». Мы назвали этот проект «Сентиментальное путешествие в постисторический мир». Это та же программа, которую мы привозили в прошлом году, но мы, конечно, что-то меняем, она развивается.

Продолжаете ли вы выступать с LaDaABa Orchest?

Иногда мы с ними играем. Этим летом мы ездили в турне — людям хочется это послушать, и мы готовы повторить. Но для меня это уже история, уже сделанная программа. Названные три альбома — части триптиха, трилогии, и каждый имеет для меня особое значение. Первый посвящен вечеру накануне возможного Апокалипсиса в виде последней танцевальной вечеринки, второй — утру после конца света: это описание моих ощущений в связи с трагическими событиями в бывшей Югославии. Третий — мои нынешние мысли по поводу того, что история закончилась. После всего, что мы испытали, я могу сказать, что больше не верю в историю и пытаюсь найти какое-то пространство вне истории. Эта музыка предлагает подобное воображаемое пространство.

Вы неоднократно говорили, что эти мысли пришли к вам в результате распада Югославии. Какова нынешняя ситуация — тамошняя жизнь заставляет вас по-прежнему так же думать?

Конечно, в последние годы жизнь меняется, нормализуется, но все уже не так, как прежде. Мы по-прежнему ощущаем дурные последствия десяти лет разрухи. Это болезнь, которую сложно победить в течение жизни одного поколения. На всем пространстве бывшей Югославии людям пришлось трудно, потому что одновременно происходили два процесса: война и переход к капитализму — вы хорошо знаете, какой это болезненный процесс. Это оказалось большим стрессом для всех нас.

Как вы думаете, может жизнь стабилизироваться, существенно улучшиться в ближайшем будущем?

Да, югославские страны находятся на пути в Европу, и этот процесс неостановим, хотя это очень медленный процесс. Он, конечно, прошел бы гораздо быстрее, если бы не войны. В какой-нибудь день мы достигнем

Фотограф: Владимир Афанасьев / Газета

Европы. Конечно, Европа не рай, у большинства уже нет этой иллюзии, но для югославских стран это единственный путь. Это маленькие страны, а все вокруг либо присоединяются к Европе, либо уже там. Иначе не выживешь. Все наши надежды теперь связаны с этим процессом.

Вы неоднократно посещали Россию — что вы думаете о здешней ситуации?

Я жил в России один год в середине 1970-х — мой отец был послом в Москве. По моим впечатлениям спустя десятилетия, здесь произошли поразительные изменения. Конечно, у этих изменений есть хорошие стороны, но есть и другие — например, социальные различия очень велики. Но сейчас больше свободы во всех областях и в целом ситуация в России гораздо лучше, чем двадцать лет назад. Россия абсолютно уникальна: это своеобразный остров, и здешнюю ситуацию невозможно сравнить с другими. Россия очень велика и сможет выжить одна. Мне нравится это: здесь сохраняется своеобразная независимая атмосфера, своя душа. Может быть, это звучит излишне патетично, но российская публика, возможно, лучшая в мире. По-прежнему, несмотря на сложности жизни, в России у большого числа людей сохраняется жизнь духа, они живут так, как, по-моему, должны жить славянские народы.

Расскажите, пожалуйста, о музыке, которой вы занимались до последних лет. У вас был ансамбль Ritual Nova...

С этим ансамблем я работал до конца 1990-х. Первая часть моей творческой жизни — 15 или 20 лет — была гораздо в большей степени связана с новой камер-

ной музыкой, поначалу импровизационной. Я сильно изменил свой музыкальный язык в последние пять лет, но я думаю, что это был логичный шаг: я хотел выразить свои идеи и воззрения более доступным способом, похожим на общение, взаимодействие. Но я по-прежнему работаю в области новой камерной музыки, когда у меня есть время. Этим летом у меня вышел альбом струнных квартетов, а в следующем году я снова буду работать с Ritual Nova и сделаю сборник из работ 1990-х. Так что два моих параллельных пути можно продолжать одновременно. Это иногда и две разные публики, но, может быть, в какой-нибудь момент я решу, что смогу объединить эти два пути.

Вы раньше занимались джазом?

Да, в начале карьеры. Это был не мейнстрим: тогда на мое музыкальное развитие очень важное влияние оказала та смесь джаза, новой академической музыки и фольклора, которая выходила на пластинках компании ЕСМ. В начале 1980-х это было чем-то вроде революции в джазе. И сейчас мой музыкальный язык находится под влиянием джаза, но мне сложно разделить, где именно влияние джаза, а где — классики, где — народной музыки. Мне сейчас сложно использовать какой-то один, чистый музыкальный язык.

Вы можете назвать каких-то музыкантов, которые более всего на вас повлияли?

Их много было в разные периоды. Поначалу на меня очень повлиял арт-рок, такие группы, как Van der Graaf Generator и Jethro Tull. Потом фьюжн, потом джаз, выпускаемый ЕСМ, потом современная камерная музы-

ка от минимализма до постмодернизма, такие композиторы, как Хенрик Гурецкий, Арво Пярт, Терри Райли. А в последние десять лет я очень вдохновляюсь направлением world music — мне кажется, что это самое живое музыкальное направление.

Вы по-прежнему сочиняете для театра?

Да, иногда. Я больше сочинял, когда жил в Италии, Словении и Австрии; в Сербии театральная индустрия не так сильно развита — не потому, что у людей нет идей, а из-за плохой экономической ситуации. Несколько лет назад я сочинил балет для Сербского национального театра с английским хореографом. Я там играл живьем со струнным оркестром и танцорами.

В чем специфика области Воеводина, из которой вы родом?

Воеводина — район уникального соединения культур. Я по происхождению наполовину серб, наполовину венгр, и я испытал влияние большого количества разных культур Центральной Европы, Балкан. В этой области живут представители двадцати национальностей. Вот почему для меня развал Югославии, возможно, оказался настолько болезненным процессом — я не смог найти себя, когда люди обратились к национа-

лизму. Я не националист. Воеводина изменилась в ходе этого процесса, сербов там сейчас подавляющее большинство; в последние месяцы ощущаются некоторые проблемы, связанные с венгерским населением. Воеводина сама по себе не является источником таких проблем — националистические трения происходят из Белграда, из Загреба.

Ощущали ли вы давление со стороны властей в 1970-е и 1980-е?

Вы знаете, бывшая Югославия была очень особенной страной: там не было настоящего социализма. Иосип Броз Тито был талантливый парень, который смог создать смесь капитализма и социализма. Давление было, но довольно формальное. Если человеку хватало ума, он мог избежать этого давления и жить достаточно свободно. Мы могли ездить за границу, у нас было достаточно денег, и я считаю эту часть моей жизни очень удачной, потому что для культурной жизни хватало свободы. Еще было то преимущество перед ситуацией на Западе, что у нас не было давления рыночного общества. Мы теперь поняли, что «страна Тито», как мы ее называем, была своего рода раем, и, может быть, нам пришлось заплатить десятками годами разрухи за то, что нам было так хорошо тогда. Так хорошо, что мы этого не понимали.

Фотограф: Владимир Афанасьев / Газета

Постисторический человек

Борис Ковач родился в 1955 году в городе Нови-Сад, центре автономного края Воеводина на северо-западе Югославии — теперь автономной области Сербии. В 1977 году Ковач организовал джазовую группу Meta Sekcija, а в 1982-м — ансамбль Ritual Nova, в музыке которого соединялись древние и современные музыкальные направления. В 1991 году он уехал из Сербии, в течение пяти лет жил в Италии, Австрии и Словении, писал музыку для театра. После возвращения на родину под впечатлением от бомбардировок НАТО и последствий распада Югославии сформировал ансамбль La Danza Apocalypsa Balcanica (он же LaDaABa Orchest), на концертах которого давал советы, как себя вести до и после конца света. Новый ансамбль, La Campanella, продолжает эти загадочные, печальные и веселые танцы.

Kovach Boris

27.10.05